ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

БОГОСЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ИМПЕРАТОРСКОЮ

Московскою Духовною Академіею.

АПРѢЛЬ

1914.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Сергіевъ Посадъ.

Типографія Св. Тр. Сергіевой Лавры.

1914.

Печатать дозволяется. Мая 5 дня, 1914 года.

Ректоръ Академіи *Епископъ Θеодоръ*.

Содержаніе перваго тома „Богословскаго Вѣстника“ за 1914 годъ.

(Мѣсяцы: Январь—Апрѣль).

Изъ семейныхъ воспоминаній.

I.

Село Покровское было стариннымъ дворянскимъ гнѣздомъ. Въ прошломъ столѣтіи имъ владѣлъ Александръ Семеновичъ Брянчаниновъ, одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ людей въ губерніи. Бывшій камеръ-пажемъ при Императорѣ Павлѣ, затѣмъ—другомъ Поздѣева и другихъ благочестивыхъ масоновъ того времени, оставившій Петербургъ послѣ 12-го года, онъ перенесъ и въ сѣверную глушь свои утонченные привычки. Покровское было имъ устроено заново. Воля его и художественный вкусъ создали маленькій Версаль съ замкомъ-домомъ, царственнымъ садомъ и изящной церковью на безплодной плухѣ глинистой русской горы.

Обычно помѣщичьи дома строились тогда деревянные, четвероугольные, съ большимъ рундукомъ и тѣсною прихожей, гдѣ всегда пахло амміакомъ. Въ лакейской Покровскаго дома, какъ и въ комнатахъ, стоялъ запахъ цвѣтовъ, принесенныхъ изъ оранжереи, или тонкаго французскаго табака. Баринъ нюхалъ; курить считалось здѣсь дурнымъ тономъ. Служили барину не Осипы и Захары, а вышколенный, знающій свое дѣло камердинеръ; такими же были и прочіе слуги, въ особенности дядька и почтенная, хотя молодая еще, няня при дѣтяхъ.

У Александра Семеновича и жены его родилось шестнадцать человѣкъ дѣтей; всѣ они росли первые годы подъ надзоромъ преданной душой и тѣломъ няни Ефимовны. Въ случаяхъ тяжелой болѣзни котораго-нибудь изъ дѣтей, нянька являлась къ барынѣ съ докладомъ: „матушка Софья Афанасьевна, пожалуйте благословить малютку,—трудятся."

Мать шла, благословляла ребенка и спокойно возвращалась къ своему долгу. А долгъ ея былъ—угождать мужу и поддерживать достоинство дворянской семьи. И такъ какъ никто не мѣшалъ дѣтямъ болѣть и умирать, то изъ шестнадцати человѣкъ осталось въ живыхъ девять. Старшимъ былъ Дмитрій Александровичъ, впослѣдствіи извѣстное духовное лицо, а младшею—моя мать, Марья Александровна.

Мать моя всю жизнь обожала Покровское и потому не цѣнила Вепрево, усадьбу мужа, хоть оно было однимъ изъ красивѣйшихъ уголковъ въ уѣздѣ. Я же росла, глубоко влюбленная въ свое милое Вепрево, въ каждую бѣлую березу, въ каждую мохнатую еловую заросль, въ каждую крутую, осыпавшуюся горку надъ рѣкой. Тѣмъ не менѣе и для меня, въ дѣтствѣ моемъ и ранней молодости, Покровское было волшебной сказкой, воплощенной мечтой. До сихъ поръ во мнѣ живо воспоминаніе Покровской старины: высокіе кусты розъ въ простѣнкахъ между оконъ, синяя гостиная съ штофной мебелью, круглая зала, обширная и свѣтлая, гдѣ собирались внуки и дѣти большого барина для чинныхъ обѣдовъ; балконъ съ бѣлыми львами, душистые жасмины кругомъ; надъ балкономъ на каменной стѣнѣ дома лѣпныя украшенія въ видѣ рыцарскихъ доспѣховъ; внутри—широкая витая лѣстница наверхъ и антресоли вверху съ таинственными чердаками. О, какъ таинственны были эти низкіе, темные чердаки! Какими удивительными исторіями населяло ихъ мое воображеніе! И кто знаетъ, скольких дѣйствительныхъ исторій они были свидѣтелями?

Въ этомъ-то прекрасномъ домѣ, въ этой воплощенной мечтѣ выростало молодое поколѣніе Брянчаниновыхъ. Среди дѣтей само собою образовалось нѣсколько дружныхъ паръ. Только старшая дочь, Александра Александровна, нелюбимая матерью, стояла одиноко. Дмитрій Александровичъ дѣлилъ мысли и чувства съ слѣдующимъ за нимъ братомъ, Петромъ. Веселый румяный Сашинька ладилъ со всѣми. Средніе—Сенюшка и Лизанька, похожіе другъ на друга, шалили вмѣстѣ. Изящная Соничка тянулась душой къ Дмитрію и была имъ любима. Младшаго же брата Мишу соединяла съ моею матерью такая неразлучная дружба, что въ семьѣ прозвали ихъ общимъ именемъ „Мишмашакъ".

Главнымъ правиломъ воспитанія считалась въ Покров-

скомъ неумолимая строгость. Странно уживались въ его дѣдѣ тактъ и свѣтлый умъ, и образованность съ деспотизмомъ, перещеголявшимъ завѣты самаго Домостроя.

Софья Афанасьевна нѣжно любила сына Дмитрія, но любовь къ дѣтямъ скрывалась здѣсь, какъ недостойная слабость. То было царство розги. Послѣ одного несправедливаго наказанія, мать моя вздумала протестовать; за это ее высѣкли во второй разъ до обморока. Михаилъ Александровичъ, мальчикъ самолюбивый, однажды прокусилъ себѣ до крови руку, стараясь не закричать во время экзекуціи. Виной его было то, что услышавъ въ деревнѣ разговоръ о мошенничествахъ старосты, онъ, съ свойственною ему горячностью, прибѣжалъ разсказать объ этомъ папинькѣ. Вмѣшался въ дѣла взрослыхъ, что, конечно, не допускалось.

Помню, въ старости дѣдъ сказалъ разъ о своихъ дѣтяхъ:
— Старшихъ я держалъ строго—и проигралъ; меньшихъ баловалъ, и ничего не выигралъ.

Что̀ онъ надѣялся выиграть—не знаю, и отчего̀ проигралъ на тѣхъ, кто принесъ честь его имени—непонятно. Но если младшихъ описаннымъ образомъ баловали, то что должны были выносить старшіе? И мудрено ли, что воспоминанія грустнаго дѣтства вливали впослѣдствіи нѣкоторую холодность въ отношенія ихъ къ отцу?

Воспитаніе, которое получали молодые Брянчаниновы, было по тому времени блестящимъ. Каждый день свѣжая тройка привозила лучшихъ учителей изъ города и отвозила обратно; два учителя и гувернантка жили постоянно. Обращалось вниманіе на искусства; въ даровитой семьѣ у однихъ были склонности къ музыкѣ, у другихъ—къ литературѣ; у третьихъ къ—живописи. Всѣ эти таланты развивались. Въ то же время дѣтей Брянчаниновскаго дома не только наказывали, но и держали впроголодь по утрамъ. Не изъ скупости, конечно: того требовала суровая система.

Ослѣпнувъ подъ старость, няня Ефимовна доживала свой вѣкъ въ нашемъ Вепревскомъ домѣ. Мы, дѣти, бѣгали по вечерамъ слушать, какъ она молится. Молилась она вслухъ, долго и слезно, за себя и за всѣхъ, кого она любила, причемъ съ рыданіями умоляла Бога простить ей тотъ грѣхъ, что она однажды, разсердившись, хлопнула барышню Лизавету Александровну. Имѣя передъ глазами каждодневное

сѣченье дѣтей, эта чистая душа ставила себѣ въ вину единственный, вѣроятно легкій ударъ! Объ этой нянькѣ Петръ Александровичъ—губернаторъ и старикъ—вспоминалъ, какъ о своей благодѣтельницѣ.

— Тѣ ломтики хлѣба, что намъ Ефимовна совала тайкомъ, были *ми-лос-ты-ней!* говорилъ онъ дрожавшимъ отъ волненія голосомъ.

Ефимовна всегда старалась скрывать вины дѣтей отъ господъ; дядька напротивъ, вѣрный церберъ, не пропускалъ ни одной.

Утро начиналось въ Покровскомъ докладами. Доклады эти я живо могу себѣ представить по разсказамъ матери и слѣпой няни.

Семь часовъ. Баринъ уже вышелъ изъ спальной и отправился въ кабинетъ. Домочадцы съ замираніемъ сердца слышали трубный звукъ его сморканья, означавшій, что онъ гнѣвенъ. Въ верхъ, осторожно ступая въ большихъ сапогахъ, прошелъ староста Матвѣй. Няня Ефимовна явилась въ спальную съ докладомъ о дѣтяхъ.

Спальная—просторная и прохладная комната съ колоннами и единственнымъ широкимъ окномъ въ садъ. Барыни тамъ не было. Она сидѣла передъ туалетомъ въ маленькой розовой уборной.

Сложивъ по-монашески руки подъ грудью, Ефимовна у двери положила низкій поклонъ.

— Матушка Софья Афанасьевна, съ добрымъ утромъ!

Барыня обернула къ ней спокойное, чуть-чуть блѣдное лицо.

— Ну что, Ефимовна? Все благополучно?

— Все, матушка; у Сонечки прошелъ кашель.

— Такъ не завязывай ей горла. Лизанька что?—спросила она о своей любимицѣ.

— Хорошо почевали-съ, отвѣчая улыбкой на ея улыбку,—сказала Ефимовна.

— А Маша?—уже равнодушнѣе спросила барыня.

— Машенька тревожились. Все еще здоровьице плохо. Опять бы, матушка, мѣсяцъ другой въ банькѣ ихъ порастирать. Изволите помнить, онѣ до трехъ лѣтъ не ходили, такъ одной банькой я...

— Не надо, она ужъ большая, перебила мать.

Нянька подавила вздохъ.

— Съ вечера тревожились, плакали во снѣ; шести лѣтъ, какія еще большія? прибавила она на свой страхъ изъ жалости къ больной дѣвочкѣ. Она знала причину ея слезъ во снѣ: ребенка запугали вчера, уча молитвамъ „съ пристрастіемъ".

Софья Афанасьевна не отвѣтила. Занятая своими мыслями, она разсѣянно перебирала рукой дорогіе бездѣлушки въ раковинѣ, лежавшей у зеркала.

— А какъ Александра Александровна... спала ночью?

Ефимовна опустила глаза. Она хотѣла бы умолчать, но дѣло было выходяще изъ ряда. Барыня замѣтила ея нерѣшительность и настойчиво и строго повторила:

— Спала Александра Александровна, я спрашиваю?

— Матушка, онѣ... молились.

— Опять на колѣняхъ?

— Точно такъ.

— Всю ночь?

— На разсвѣтѣ заснули.

Мать пожала плечами.—Est-ce une sainte ou une imbécile? подумала она съ невольнымъ враждебнымъ чувствомъ о дочери.

— Не люблю я этихъ причудъ. Всѣ спятъ, кто не хуже ея, а она... На все есть время... Можешь идти.

Послѣ Ефимовны вошелъ дядька. Барыня, разгнѣванная извѣстіемъ о ночной молитвѣ дочери, не отвѣтила на его поклонъ. Но заслуженный и вѣрный слуга, не смущаясь барынинымъ строгимъ видомъ, отдалъ свой рапортъ.

— По дѣтской всѣ здоровы, сударыня-матушка. Петръ Александровичъ изволили вчера изорвать сапожокъ. На прудъ вечеромъ изволили выходить, и изорвали.

— Съ кѣмъ ходилъ на прудъ?

— Одни-съ. Дмитрій Александровичъ не изволили отлучаться.

— Митенька всегда уменъ, подумала, смягчаясь, Софья Афанасьевна. Право, его даже наказывать... и не докончивъ своей мысли, спросила:

— Еще что?

— Семенъ Александровичъ дразнили Александру Александровну...

Барыня махнула рукой: мимо!

— Михайло Александровичъ изволили бѣгать по коридору замѣсто того, чтобъ ложиться спать. Шумѣть изволили. Я докладывалъ, что не велѣно; не изволили послушать...

— Останется безъ „руки".

На Мишиньку, какъ на бѣднаго Макара, всегда падали шишки. Александру Александровну любилъ отецъ, какъ Дмитрія Александровича—мать, но Мишинька для обоихъ родителей былъ нелюбимый. Выходки его были такъ неумѣстны, онъ не ласкался къ родителямъ, когда это полагалось, а если ласкался, то не во время, глаза его такъ странно разбѣгались, а волосы торчали вихрами, онъ имѣлъ такой нелѣпый озабоченный видъ, точно все о чемъ-то думалъ. Пристало ли думать, когда самого отъ земли не видно? и могло ли это нравиться въ домѣ, гдѣ отъ дѣтей требовался лишь страхъ и послушаніе?

Дмитрій Александровичъ былъ тоже задумчивъ, но мать—свѣтская женщина—считала его задумчивость неотъемлемою принадлежностью его блестящихъ способностей, ласкавшихъ ея честолюбивыя мечты перспективою высокой будущей карьеры для сына.

Кончая свой докладъ, дядька объявилъ:

— Дмитрій Александровичъ изволили въ постели читать наизустъ псаломъ: „Помилуй мя Боже, яко попра мя человѣкъ"... Изволили сказать: этотъ де псаломъ ко многимъ подходитъ.

Софья Афанасьевна, слегка наклонивъ голову, мысленно пробѣжала начало псалма, подумала немного, и съ быстрымъ взглядомъ спросила у дядьки:

— Ты не знаешь, о себѣ это говорилъ Митенька или о всѣхъ людяхъ?

Дядька былъ увѣренъ, что молодой баринъ прилагалъ слова псалма именно къ себѣ и братьямъ. Но онъ не имѣлъ на это ясныхъ доказательствъ, и какъ человѣкъ добросовѣстный не желалъ свидѣтельствовать ложно. Онъ отвѣчалъ:

— Не могу знать, сударыня-матушка.

— Ступай.

— Боюсь я, слишкомъ серьезенъ Митенька, промолвила едва слышно мать. Хорошъ и уменъ, но зачѣмъ такъ серьезенъ?... Вспомнивъ объ умѣ и красотѣ Митеньки, она съ горечью подумала, какъ это можетъ ея мужъ не любить такого совершеннаго сына? И мысль ея мгновенно обратилась на всю массу огорченій, надеждъ, усилій, ежечаснаго напряженія ума и воли, которое составляло внутреннюю сущность ея жизни, скрываясь подъ внѣшнимъ декорумомъ высокой и невозмутимой порядочности. Но предаваться этимъ мыслямъ она не позволила себѣ. Покрывъ свои вьющіеся волосы чепцомъ съ широкой оборкой, она встала, и величавой походкой, походкой боярыни, вышла изъ спальныхъ комнатъ.

Мужская дѣтская расписаная по штукатуркѣ зелеными и бѣлыми полосами, сходящимися на потолкѣ, на подобіе шатра. Большое полукруглое окно открываетъ видъ на церковь. Второе окно приходится противъ вершинъ старыхъ липъ сада и, лишь наклонясь, можно видѣть у корней ихъ внизу, густо затѣненную почву и длинныя гибкія скамьи—качалки.

Пока дядька, Дормидонтъ Дмитричъ, ходилъ съ докладомъ, въ нишу окна, пользуясь временнымъ отсутствіемъ своего надсмотрщика, усѣлись два мальчика—13-ти и 12-ти лѣтъ. Старшій изъ нихъ славился впослѣдствіи въ Петербургѣ своею красотою. Но теперь на тонкихъ чертахъ его лица и въ большихъ темныхъ глазахъ видна была грусть,—не мимолетная, дѣтская, а безнадежная, глубокая, при видѣ которой чуткому человѣку сдѣлалось бы холодно. Въ Покровскомъ не было на этотъ предметъ чуткихъ людей. Дѣтское горе никого не удивляло. Одна Ефимовна оплакивала безплодными и тайными слезами печали своихъ питомцевъ.

Въ болѣе грубыхъ чертахъ Петруши не замѣтно было ни той красоты, ни того ума, какъ у Митеньки, но выраженіе унынія было то же.

— Какъ я люблю смотрѣть сюда, сказалъ шепотомъ старшій мальчикъ, всматриваясь въ море зелени за окномъ. Точно въ этихъ верхушкахъ, въ этихъ листьяхъ, въ этомъ воздухѣ безъ границъ—и самъ я свободенъ... точно живешь птицей и забываешь все...

Петруша вздохнулъ. Его мысли имѣли болѣе реальное направленіе.

— Какъ-то мы проведемъ сегодняшній день!—сказалъ онъ.

Брови его брата, похожія на брови матери, слегка сдвинулись на бѣломъ, чистомъ лбу.

— Да, отвѣчалъ онъ, не отрывая отъ окна взгляда. Я думаю, есть дѣти, которые встаютъ утромъ и рады...

— Чему?

— Всему. Что ихъ любятъ, что еще день... хорошій... впереди. А мы просыпаемся въ страхѣ...

— И жалко, что проснулись! вырвалось у Петруши громче, нежели онъ хотѣлъ.

Шш-ш! остановилъ его Митенька и оглянулся. Но никого не было вблизи. Младшіе братья спали.

Петруша наклонился къ Митенькѣ.

— Ты уже отдумалъ?—спросилъ онъ чуть слышно, но съ особеннымъ выраженіемъ.

Тотъ не отвѣтилъ.

— Ты забылъ... что̀ хотѣли?—повторилъ братъ настойчиво.

Шаги Дормидонта Дмитрича слышались на лѣстницѣ. Митенька всталъ и легкою поступью подошелъ къ соннымъ дѣтямъ.

— Вставайте милые, сказалъ онъ, ласково проводя тонкою и нѣжною рукой по ихъ лицамъ. Вставайте, забранятъ...

Потомъ, воротившись къ окну, быстро подулъ на стекло, и на образовавшемся матовомъ налетѣ написалъ: „отъ папеньки никуда не убѣжать“, и стеръ все рукавомъ рубашки въ ту самую минуту, когда церберъ-дядька отворялъ дверь.

Дѣвочекъ между тѣмъ, подъ надзоромъ гувернантки, стягивали корсетами и одѣвали въ муслиновыя платья декольте. Потомъ раздалась команда:

— Faites votre entrée mesdemoiselles!

Дѣвочки съ печальными личиками и голыми блѣдными руками церемонно присѣдали одна за другой, выговаривая французское привѣтствіе родителямъ. Это была репетиція входа.

Внизу уже пили чай. Большой самоваръ шумѣлъ на всѣхъ

парахъ. За чайнымъ приборомъ сидѣла maman въ чепчикѣ и желтомъ камлотовомъ капотѣ съ пелериной. Ея бѣлыя руки, сухія и породистыя, скоро и плавно разливали чай и раздавали чашки присутствующимъ. Съ тою любезностью, которая составляла ея главное очарованіе, maman вела разговоръ съ учителями и гостившей родственницей, вела одна, потому что papa былъ не въ духѣ и хмуро молчалъ. Видъ у maman былъ счастливый и спокойный.

Дѣвочки еще только спускались съ лѣстницы, когда мальчики уже были въ столовой и Мишенька получилъ наказаніе—лишеніе поцѣлуя руки. На большомъ учебномъ столѣ были поставлены чашки жидкаго чая для дѣтей, съ парою пшеничныхъ булокъ или сухарей при каждой чашкѣ. Послѣ чая должны были начаться уроки (лѣтнихъ каникулъ не полагалось) и дѣтямъ ничего не позволялось больше ѣсть до обѣда. Вотъ въ это-то время нянька искала и находила возможность передать старшимъ гдѣ-нибудь въ корридорѣ кусокъ чернаго хлѣба, взятый ею для себя изъ кухни. Ничего другого нельзя было ей унести, не возбудивъ подозрѣнія.

За младшими дѣтьми надзоръ былъ слабѣе, и жилось имъ легче; мальчики между уроковъ успѣвали сбѣгать въ садъ нарвать яблоковъ и подѣлиться ими съ сестрами; дѣлалось это подъ страхомъ, но казалось тѣмъ веселѣе.

Не надо думать, что жизнь молодыхъ Брянчаниновыхъ была совсѣмъ безрадостна. Отъ нихъ многаго требовали, но многое имъ и давали. Для нихъ были устроены и качели, и превосходныя зимнія горы въ саду, плоты на прудѣ, верховая ѣзда; не только мальчикамъ, но и дѣвочкамъ позволялось изрѣдка сопровождать отца на охоту: то былъ дворянскій обычай. Щедро пользовались они фруктами, вѣдь фрукты не продавались, конечно, а яблоки считали въ Покровскомъ мѣшками. Но и кромѣ всего этого, сколько счастья могла доставить этимъ тонко чувствовавшимъ дѣтямъ природа: прогулки, впечатлѣнія прекраснаго сада, широкаго простора полей и луговъ, красота Покровскаго, раскинутаго на двухъ холмахъ, чистый воздухъ. И жаль, что къ этимъ прекраснымъ, чистымъ радостямъ, удѣлу немногихъ счастливыхъ, такъ часто примѣшивалось мучительное чувство страха.

Не забылся старшими братьями такой случай.

Въ Покровское пріѣхалъ знакомый помѣщикъ съ подростками-сыновьями. Вслѣдствіе этого уроки Митеньки и Петруши были прекращены: надо было занимать гостей. Мальчики ходили гулять очень степенно, безъ шалостей, такъ какъ уже не считали себя дѣтьми. Полюбовались на фонтанъ, посидѣли въ гротѣ, и къ чаю возвратились.

Для молодыхъ господъ чай былъ сервированъ отдѣльно отъ взрослыхъ. Прислуживалъ имъ дядька. Къ чаю были поданы сдобные сухари изъ бѣлой муки по адресу гостей, и другіе изъ домашей пшеничной—для своихъ. Но Митенька и Петруша, среди разговора, взяли и себѣ по два бѣлыхъ сухаря, какъ брали ихъ гости.

— Не изъ жадности, увѣряю,—говорилъ Петръ Александровичъ, разсказывая впослѣдствіи этотъ случай въ нашемъ домѣ,—а потому, что унизительно было показать гостямъ, что намъ не даютъ ѣсть того же, что имъ...

Дядька видѣлъ преступленіе и донесъ. По отъѣздѣ гостей обоихъ братьевъ поставили на три часа на колѣни, заставивъ ихъ при этомъ держать по бѣлому сухарю во рту. Всѣ домочадцы ходили мимо и видѣли это.

— Стыдно намъ было, Машинька, убійственно стыдно. Сухари во рту таютъ, проглотить не смѣемъ... А главное—стыдно, разсказывалъ съ горькимъ выраженіемъ старикъ. Ну, и обидно. Не маленькіе вѣдь мы были... За что??

Какая же огромная сила, какой избытокъ энергіи билъ ключемъ въ этихъ молодыхъ душахъ, если онѣ при такомъ режимѣ, не обезличились, не отупѣли, не выросли забитыми и безвольными! Что давало имъ эту силу?

Отчасти—широта барской жизни и природа. Но больше, главнѣе всего—вѣра. Въ томъ Евангеліи, которое говоритъ: „придите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи",—они находили и утѣшеніе, и силу терпѣть, и преданность долгу. Настроеніе всей семьи Покровскихъ Брянчаниновыхъ было глубоко православное и церковное; волтеріанство не коснулось души дѣда. И на кого могли надѣяться несчастные дѣти, кромѣ Бога? Суровое воспитаніе сыграло для нихъ роль того тяжкаго молота, который, „дробя стекло, куетъ булатъ". Оно выковало изъ нихъ людей строгой честности и серьезнаго отношенія къ жизни; въ нихъ не было ничего

пошлаго, но не было, можетъ статься, и достаточной мягкости характера, терпимости къ чувствамъ и идеямъ другихъ.

Прошло пять-шесть лѣтъ послѣ описанныхъ сценъ—и многое измѣнилось. Родительская ферула ослабѣла, по крайнѣй мѣрѣ для сыновей.

Юноши въ военной формѣ уже чувствуютъ себя почти свободными. Зимой, пріѣзжая въ Покровское, бываютъ на балахъ въ городѣ, сопровождая maman и сестеръ, а въ деревнѣ катаются на тройкахъ и за околицей приглашаютъ къ себѣ въ сани хорошенькихъ крестьянскихъ дѣвицъ. Сестеръ, въ ихъ широкихъ салопахъ, катаютъ тоже, но съ меньшей охотой и частенько опрокидываютъ сани въ снѣгъ, потѣшаясь надъ барышнями.

При молодыхъ господахъ еще живетъ въ Петербургѣ вѣрный барину дядька, еще шлетъ въ Покровское рапорты такого, напримѣръ, содержанія:

„...Петръ Александровичъ, будучи у господъ Анненковыхъ на вечерѣ, изволили потерять батистовый платочекъ съ вензелемъ... Къ тому же вечеру Михайло Александровичъ изволили купить дорогихъ духовъ, за 5 цѣлковыхъ флакончикъ махонькій, а я докладывалъ, что можно бы одеколономъ подушниться, на всѣхъ де вертопраховъ смотрѣть здѣшнихъ нечего. Изволили сказать, посмѣявшись довольно: сами вы, Дормидонъ Дмитричъ, одеколономъ прыскайтесь, а я не то что прыскаться, а у меня надъ каждой Вашей милости господской копейкой болитъ сердце. Опять же Александръ Александровичъ изволятъ по ночамъ не возвращаться долго и разговоры не зѣло подобные ведутъ промежъ прочихъ господъ офицеровъ, а впрочемъ случалось, вставали до свѣту и уѣзжали. Куда—не сказываютъ, и я, рабъ Вашей милости, углѣдилъ и дознался, что изволятъ до службы ѣздить въ Невскую Лавру къ заутренѣ, и о томъ Вашей милости докладываю, и что Дмитрій Александровичъ безперечь изволятъ прибывать въ Лавру, когда только свободны отъ дежурства во дворцѣ, а бѣлье у Дмитрія Александровича все цѣло, которое пошло съ нами изъ усадьбы, а дружбу они ведутъ только съ однимъ господиномъ офицеромъ Ч—вымъ и вмѣстѣ въ Лавру ѣздятъ“...

Читая эти посланія Александръ Семеновичъ хмурился и

пожималъ плечами, но долженъ былъ сознаться, что все это въ порядкѣ вещей, и если въ поведеніи сыновей было что странное, то скорѣй ихъ приверженность къ Невской Лаврѣ, а не ночныя похожденія Сашиньки.

Проходятъ еще года. Дмитрій Александровичъ огорчаетъ родителей: поступаетъ въ монастырь, бросивъ свѣтскую карьеру, которая шла полнымъ ходомъ. Между тѣмъ Софья Афанасьевна начинаетъ хворать, перемогается, но болѣзнь прогрессируетъ, и любимому сыну самому приходится хоронить свою умершую мать. Покровское остается безъ хозяйки.

Еще при жизни Софьи Афанасьевны Александра Александровна вышла по страстной любви за нѣкоего бывшаго гвардейца Жандръ. Вскорѣ и Сонечка сдѣлалась женою образованнаго молодого человѣка изъ лучшаго общества—Боборыкина. Оставались въ дѣвицахъ двѣ младшія дочери—Lise и Marie. Имъ Ефимовна замѣняла мать, заступалась за нихъ передъ грознымъ бариномъ и даже была имъ бита за это заступничество.

Когда думаешь о той давной порѣ,—порѣ крѣпостного права—поражаетъ, на сколько больше было доброты и здраваго пониманія вещей, даже пониманія христіанскаго долга, въ иной простой крестьянской душѣ, нежели у тѣхъ „премудрыхъ", что мнили себя благородными изъ благородныхъ, и не только мнили, а дѣйствительно были такими въ своей средѣ.

Примѣръ—вотъ эта няня Ефимовна, которая молилась, какъ юродивый Гриша у Толстого. Была она ровесница Софьѣ Афанасьевнѣ, отдана за нею въ приданое, и всегда помнила свой „долгъ" исключительной преданности барынѣ и ея дѣтямъ.

Въ молодости ея и у ней, какъ у другихъ дѣвушекъ, явилась мечта о счастьѣ: ее полюбилъ садовникъ Филадельфъ. Каждое утро на ея окнѣ появлялся букетъ свѣжихъ цвѣтовъ. Она и Филадельфъ были славной парочкой. Но когда попросила у господъ позволенія выйти замужъ, ей отказали.— Кому же другому я могу довѣрить дѣтей?—вскричала барыня.—Нѣтъ, нѣтъ, ты мнѣ нужна, оставайся въ нянькахъ.

И мечта улетѣла. Безъ жалобъ, безъ упрековъ, кротвое

сердце принесло себя въ жертву. У Ефимовны осталась горькая отрада поминать на молитвѣ раба Божія Филадельфа до конца жизни.

Софья Афанасьевна умерла, но Александръ Семеновичъ еще не чувствовалъ себя старикомъ. У него зарождаются новые планы. Онъ начинаетъ ухаживать за одной изъ знакомыхъ барышень. Ходятъ слухи, что онъ намѣренъ жениться. Тогда Lise и Marie просятъ братьевъ о помощи.

Неожиданными и нежеланными для Брянчанинова гостями явились въ Покровское сыновья. Почтительно, но твердо они заявили отцу, что не потерпятъ чужой женщины на мѣстѣ maman. И сколько онъ ни выходилъ изъ себя, они стояли на своемъ.

Происходили классическія сцены. Въ концѣ-концовъ старикъ уступилъ.

Опять потекла жизнь въ Покровскомъ, съ виду обычная. Но отсутствіе матери давало себя чувствовать, и сестры вскорѣ поняли, что имъ надо поспѣшить выходомъ замужъ. Отецъ ихъ не удерживалъ.

Первою Елизавета Александровна приняла предложеніе заслуженнаго, но уже очень пожилого генерала, а черезъ два мѣсяца и моя мать сдѣлалась женою молодого сосѣдняго помѣщика, человѣка безусловной честности и прямоты, но неравнаго ей по образованію и привычкамъ. Всѣ птенцы стараго дома разлетѣлись.

Разнообразною была ихъ судьба.

Дмитрія Александровича ждала епископская каѳедра, Петра Александровича—губернаторскій постъ. Старшая изъ сестеръ, послѣ тяжелыхъ непріятностей и разлуки съ мужемъ, впала въ мрачное помѣшательство. Она жила одна съ маленькой дочерью въ глуши своей приданой деревеньки, гдѣ снѣгъ заметалъ крыльцо и волки выли подъ окнами. Въ положеніе дѣвочки вошли тетки, помѣстили ее въ институтѣ; однако и эта дѣвица, послѣ оригинальной жизни, жизни журналистки Катковскаго лагеря, кончила въ домѣ умалишенныхъ. Софья Александровна Боборыкина умерла на двадцать третьемъ году, оставивъ двухъ дѣвочекъ, которыя росли, какъ воспитанныя и свѣтскія барышни, подъ надзоромъ отца,—настолько умнаго и любящаго, что онъ не только не подав-

лялъ ихъ личностей, но напротивъ помогалъ имъ вырабатывать свою самостоятельность и серьезный взглядъ на все окружающее.

Изъ братьевъ Брянчаниновыхъ смерть подкосила Александра Александровича еще военнымъ, въ молодыхъ и цвѣтущихъ годахъ жизни, которою онъ слишкомъ жадно пользовался. Но передъ смертью онъ принялъ тайный постригъ.

Михаилъ Александровичъ метался въ Петербургѣ, оставивъ военную службу по недостатку средствъ. Благодаря связямъ брата, архимандрита Сергіевской пустыни, онъ получалъ нѣсколько разъ хорошія мѣста, но не удерживался на нихъ. И понятно: у человѣка цѣлые міры въ головѣ и сердцѣ, а тутъ—канцелярщина, и главное, вездѣ та или другая неправда, а этого онъ не выносилъ. Наконецъ, схватился за другое: купилъ въ долгъ каретную фабрику; но ему ли было,—дворянину до мозга костей,—заниматься коммерческимъ дѣломъ? Женился онъ въ Петербургѣ на достойной всякаго уваженія, но бѣдной и не знатной дѣвушкѣ, которую не захотѣли признать своей его гордые родственники. Прогорѣвъ на фабрикѣ, Михаилъ Александровичъ счелъ для себя спасеніемъ то, что отецъ выдѣлилъ его, великодушно давъ ему большую и доходную усадьбу въ сѣверной глуши. Впрочемъ онъ и тамъ впослѣдствіи прожился по своей непрактичности, хотя самъ велъ хозяйство и ѣздилъ на ряду съ рабочими, съ топоромъ и въ армякѣ, за бревнами въ лѣсъ. Жена долгое время была его ангеломъ-хранителемъ, жила безвыѣздно въ глуши и умерла, оставивъ по себѣ свѣтлую память во всѣхъ, знавшихъ ее.

А. Купреянова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СОДЕРЖАНІЕ.

Редакторъ *Священникъ Павелъ Флоренскій*.

Изъ семейныхъ воспоминаній.

(Продолженіе) [1].

II

Когда Александръ Семеновичъ провожалъ старшаго сына въ первый разъ въ Петербургъ, то дорогою, въ каретѣ, спросилъ его, какого рода службу онъ предпочитаетъ? Сынъ, не задумываясь, отвѣчалъ:

— Службу Царю небесному.

На эти слова отецъ не обратилъ вниманія, но когда сынъ осуществилъ ихъ, сдѣлавшись смиреннымъ и бѣднымъ послушникомъ, то вся Брянчаниновская гордость поднялась на дыбы. Въ жизнеописаніи отца Игнатія (Дмитрія Александровича) разсказано довольно подробно о томъ, сколько онъ выстрадалъ вслѣдствіе деспотическаго честолюбія родителей, не мирившагося съ его призваніемъ. Монашество было для этого человѣка не карьерой и не средствомъ нажить капиталы. Онъ раздавалъ всегда почти все, что имѣлъ. Та же родственная черта сказывалась въ характерѣ моей матери; такою же была и С. В. Боборыкина, старшая изъ дочерей любимой сестры о. Игнатія. Другіе Брянчаниновы умѣли также жертвовать многимъ, но не ближнимъ вообще, а любимымъ людямъ. Такъ Петръ Александровичъ употребилъ все свое состояніе на изданіе книгъ обожаемаго имъ брата.

Узнавъ о смерти сестры своей, Боборыкиной, о. Игнатій (бывшій тогда уже монахомъ) написалъ моей матери. Онъ просилъ сообщить подробности о послѣднихъ дняхъ жизни Софьи Александровны, поясняя, что онъ былъ связанъ съ

---

[1]) См. Б. В., апрѣль

нею узами исключительной дружбы и надѣется увидѣться съ нею въ будущей жизни, по слову Св. Писанія: „Богъ вселяетъ единомысленныя въ домъ“...

Честолюбіе дѣда было удовлетворено, когда отецъ Игнатій получилъ въ молодыхъ годахъ санъ архимандрита. Въ тѣ времена духовные чины труднѣе достигались, чѣмъ нынѣ, и больше заслугъ для этого требовалось. Итакъ, дѣдъ смягчился. Но уже было поздно: здоровье сына надорвалось лишеніями и огорченіями всякаго рода, и память о несправедливостяхъ, отравившихъ его дѣтство и юность, не изгладилась никогда изъ его сердца.

Прослуживъ уже нѣсколько лѣтъ въ Сергіевской Пустыни, лично извѣстный Государю, уважаемый Наслѣдникомъ и Великими Князьями, отецъ Игнатій захотѣлъ побывать въ родныхъ мѣстахъ. Быть можетъ, жизнь на виду, съ неизбѣжными непріятностями, наравнѣ съ неизбѣжнымъ оффиціальнымъ почетомъ, утомили его, и онъ жаждалъ природы, сердечности и простоты. Но въ Покровскомъ ему была устроена торжественная встрѣча „сообразная его положенію“. Конечно, съѣхались всѣ родные и ходили около него съ такимъ благоговѣніемъ, точно онъ былъ заживо канонизованъ. Александръ Семеновичъ самъ давалъ тонъ такого крайняго почета въ своемъ отношеніи къ сыну. Въ день пріѣзда о. Игнатій былъ, конечно, на могилѣ матери; и оставался на кладбищѣ еще долго послѣ того какъ священникъ отслужилъ панихиду.

На завтра было назначено торжественное богослуженіе въ Покровской церкви. Пріѣхали сосѣди, сошлись толпы крестьянъ посмотрѣть на архимандрита; надѣялись, что о. Игнатій если и не будетъ служить, то скажетъ, можетъ быть, рѣчь...

Утромъ, когда все семейство собралось въ угловой „бильярдной“ въ ожиданіи перваго удара колокола, о. Игнатій сѣлъ на диванъ возлѣ двухъ дѣвочекъ Боборыкиныхъ и сказалъ:

— Батюшка, я не пойду сегодня въ церковь. Не очень здоровъ. Вы всѣ идите, Богъ васъ благословитъ, а я останусь вотъ съ ними,—показываетъ на дѣтей.

Дѣдъ былъ пораженъ, развелъ руками, но... возражать не рѣшился.

Оставшись одинъ, о. Игнатій позвалъ своего келейника,

вышелъ съ дѣтьми въ садъ и тамъ, съ помощью этого келейника, Николеньки, каталъ племянницъ на горѣ все время, пока въ церкви шла служба,—на той, превосходно устроенной въ саду горѣ, на которой самъ онъ катался въ дѣтствѣ [1]).

Чего онъ желалъ, то и случилось: парада не вышло, и многіе подумали: „какой же это святой, если онъ играетъ съ дѣтьми вмѣсто того, чтобъ молиться въ церкви?"

Отецъ Игнатій не долго на этотъ разъ пробылъ въ Покровскомъ. Вѣроятно въ это именно посѣщеніе имъ написано стихотвореніе въ прозѣ: „Кладбище":

„Послѣ многихъ лѣтъ отсутствія посѣтилъ я помѣстье старца отца моего, то живописное село, въ которомъ я родился. Это имѣніе давно давно принадлежитъ нашей фамиліи. Тамъ величественное кладбище, осѣняемое вѣковыми древами. Подъ широкими развѣсами деревъ лежатъ прахи тѣхъ, которые ихъ насадили. Я пришелъ на кладбище. Раздались надъ могилами пѣсни плачевныя, пѣсни утѣшительныя священной панихиды. Вѣтеръ ходилъ по вершинамъ деревъ; шумѣли ихъ листья; шумъ этотъ сливался съ голосами поющихъ священнослужителей.

И слышалъ я имена почившихѣ,—живыхъ для моего сердца. Произносилось имя моей матери, имена моихъ дѣдовъ и прадѣдовъ, братьевъ и сестеръ отшедшихъ. Какое уединеніе на кладбищѣ! Какая чудная, священная тишина! Сколько воспоминаній! Какая странная многолѣтняя жизнь! Я внималъ вдохновеннымъ, божественнымъ пѣснопѣніямъ панихиды. Сперва объяла меня одно чувство печали; потомъ оно начало облегчаться постепенно. Къ окончанію панихиды живое утѣшеніе замѣнило собою глубокую печаль: церковныя молитвы сдѣлали живое воспоминаніе о умершихъ утѣшительнымъ. Онѣ какъ бы призывали ихъ къ воскресенію. Онѣ возвѣщали жизнь почившихъ, привлекали къ этой жизни блаженство.

Могилы праотцевъ моихъ ограждены кругомъ вѣковыхъ деревъ. Широко раскинувшіяся вѣтви ихъ образовали сѣнь надъ могилами: подъ сѣнью покоится многочисленное семейство. Лежатъ тутъ прахи многихъ поколѣній...

Земля, земля! смѣняются на поверхности твоей поколѣнія человѣческія какъ на деревьяхъ листья. Мило зеленѣютъ, утѣшительно, невинно шумятъ эти листочки, приводимые въ движеніе тихимъ вѣтеркомъ весеннимъ!

Придетъ на нихъ осень: они пожелтѣютъ, опадутъ съ деревъ на могилы, истлѣютъ на нихъ. При наступленіи весны, другіе листочки будутъ красоваться на вѣтвяхъ и также—только въ теченіе краткой чреды своей; также увянутъ, исчезнутъ.—Что наша жизнь? Почти тоже, что жизнь листка на древѣ!

30 Мая 1850 года".

---

[1]) Въ частномъ письмѣ, А. Н. Купреянова дѣлаетъ такое поясненіе къ этому мѣсту: „Горы, на которыхъ о. Игнатій каталъ дѣтей лѣтомъ, были

Если я не ошибаюсь, послѣ этого своего пріѣзда, отецъ Игнатій еще только одинъ разъ былъ въ Покровскомъ и на короткое время. Петръ Александровичъ ѣздилъ въ Вологду по дѣламъ и заѣзжалъ къ отцу, но отношенія ихъ были исключительно формальныя. Переписки между епископомъ и Александромъ Семеновичемъ не было.

Съ дочерьми любимой сестры своей, Боборыкиными, отецъ Игнатій не прерывалъ теплыхъ и родственныхъ сношеній до самой смерти. Онѣ часто пользовались его духовными совѣтами. И не одними духовными. Онъ не пренебрегалъ заботою о корректномъ наружномъ видѣ; прежній свѣтскій человѣкъ сказывался въ этомъ. Однажды, въ Сергіевой пустыни, замѣтивъ, что пріѣхавшія къ нему племянницы причесаны не такъ, какъ въ это время причесывались въ столицѣ, онъ попросилъ сестру свою, жену генерала, поѣхать съ ними куда слѣдуетъ, и устроить, чтобы прическа ихъ была безукоризненною.

Если онъ видѣлъ на сестрахъ что-нибудь недостаточно изящное, то тихо спрашивалъ.

— Что это у тебя, какой нарядъ!

— Такъ носятъ, владыка.

— Ты не носи.

У С. В. Боборыкиной была привычка,—какъ и у многихъ— идя въ церковь, надѣвать скромное, темное платье. Владыка не ободрялъ этого.

— Зачѣмъ это? говорилъ онъ. Развѣ ты думаешь, что Богу пріятнѣе видѣть тебя въ черномъ платьѣ, нежели въ обыкновенномъ? Или думаешь, что переодѣвшись, ты сдѣлаешься ближе къ Богу, достойнѣе?

Сестры иногда каялись ему, сокрушаясь о своихъ грѣхахъ, жалуясь на искушенія. Онъ отвѣчалъ.

— Не надо *засуживать* себя. Господь пришелъ въ міръ для грѣшныхъ. Что же ты удивляешься, что грѣшна. Развѣ ты не такая, какъ всѣ? Ну, и гордость, и прочее. У другихъ это все есть, почему не должно быть у тебя? Ты, значитъ, считаешь себя лучше прочихъ? Смиреннѣе?—„При моихъ-то достоинствахъ... смирись-ка другой такъ, какъ я!“ Это—гордость смиренія.

изъ дерева устроены, т. е. горы настоящія, а катокъ самый изъ досокъ деревянный и такія колясочки на колескахъ“. *Ред.*

— У Бога мелочей нѣтъ, говаривалъ онъ также. Съ крупнымъ испытаніемъ всякій борется. Если налетитъ гроза, человѣкъ собираетъ всѣ свои силы противъ нея. Побѣдить крупное искушеніе легко. А надо пріучить себя переносить благодушно мелочныя. Это потруднѣе. Вотъ, у тебя убираютъ комнату, и всякій день положатъ ножницы носкомъ къ тебѣ, всякій день тебѣ приходится переложить ихъ, какъ нужно, и надо не разстроиться этимъ, не разсердиться, стерпѣть каждый день...

За четыре года до смерти отца Игнатія мать моя ѣздила въ Бабаевскій монастырь, гдѣ онъ жилъ на покоѣ, и брала меня съ собою. Я была мала, и впечатлѣнія мои уцѣлѣли отрывками. Помню просторную архіерейскую гостиную съ окнами на рѣку. Она не мрачна: одноцвѣтныя стѣны ея пріятнаго шоколаднаго тона. Надъ диваномъ висятъ большіе овальные портреты братьевъ въ золоченыхъ рамахъ. Масса книгъ на столахъ, на полу: гостиная служитъ и кабинетомъ. Мебели немного, но все солидное; простота высоко-развитаго вкуса. За этой комнатой находилась другая, узкая спальня, имѣвшая видъ болѣе интимнаго пріюта. Здѣсь висѣли на стѣнѣ рясы, а на столѣ лежало нѣсколько красивыхъ четокъ: дары друзей.

Самъ епископъ былъ высокій человѣкъ, важный, очень уже пожилой, но не казавшійся еще старикомъ. Только лицо его, полное и блѣдное, обличало внутреннюю болѣзненность. Помню, что онъ сидѣлъ обыкновенно на диванѣ, мать моя также, а рядомъ съ епископомъ, на креслѣ помѣщался Петръ Александровичъ. Величественный съ нами, П. А. держался передъ братомъ почтительно, даже слишкомъ подчеркивая эту подчтительность. Долгіе часы просиживала я возлѣ матери, слушая малопонятныя мнѣ рѣчи и разсматривая знакомые уже предметы въ гостиной. Случалось, на звонокъ являлся келейникъ и, выслушавъ распоряженіе, чуть замѣтно улыбался мнѣ, уходя. Или еще лучше: въ подрясникѣ, съ опущенными глазами, входилъ красавецъ—братъ Алеша, и не смотря на строгую монашескую корректность своей манеры, всегда находилъ возможность ободрить меня быстрымъ взглядомъ.—„Скучаешь? спрашивалъ этотъ взглядъ. Потерпи, вечеромъ поѣдемъ съ о. Моисеемъ кататься“.

Петръ Александровичъ жилъ въ Бабайкахъ при братѣ и-

ряниномъ; онъ ходилъ въ сѣромъ сюртукѣ стариннаго покроя; всѣ понимали что онъ въ душѣ монахъ и держитъ монашеское правило, хотя и не принимаетъ постриженія, быть можетъ для того, чтобы ему удобнѣе было хлопотать по поводу изданія сочиненій владыки. Онъ издавалъ ихъ на собственный счетъ, и я знаю, что ему приходилось много возиться не изъ за одной матерьяльной стороны дѣла: возникали какія-то затрудненія, ставились преграды, и онъ ѣздилъ объясняться съ высокопоставленными лицами, пользуясь своимъ положеніемъ бывшаго губернатора. Уходя съ губернаторскаго поста вслѣдъ за любимымъ братомъ на Бабайки, онъ взялъ изъ гимназіи сына Алешу и опредѣлилъ его послушникомъ въ монастырь. Но Алеша былъ наружно и внутренне похожъ на свою мать; веселая мягкость его характера и бьющая ключемъ жизнерадостность мѣшали ему сдѣлаться въ душѣ монахомъ. Интересная наружность его привлекала провинціальныхъ барынь въ бабаевскія церкви такъ же, какъ тонкая красота о. Игнатія въ его молодые годы превлекала петербургскихъ дамъ въ Сергіеву пустынь, но въ послѣднемъ случаѣ ихъ намѣренія пропадали даромъ, разбиваясь о высокую серьезность и монашеское безстрастіе архимандрита, а на юной Алешиной душѣ нескромные женскіе взгляды оставляли слѣдъ. Достигнувъ совершеннолѣтія, онъ и вышелъ изъ монастыря; пустилъ, такъ сказать, свою ладью въ житейское море, сохранивъ, однако, на всю жизнь глубокую преданность православной вѣрѣ и много дѣйствительнаго христіанскаго смиренія въ душѣ.

Обѣдаемъ. Волжская дорогая рыба. Но для меня это безразлично, лишь бы скучный обѣдъ кончился. Скучный, да и опасный: неравно сдѣлаешь какую-нибудь неловкость; никто не забранитъ, но Петръ Александровичъ уставитъ продолжительно и недовольно свой тяжелый взглядъ изъ за очковъ, а этого я такъ боялась...

Но все кончено. Мы съ мамой возвращаемся въ гостиницу. Тутъ мы одни съ своей горничной; подаютъ самоваръ. Приходитъ Алеша и мы непринужденно болтаемъ, попивая чай, говоримъ все, что придетъ въ голову. Контрабандой приноситъ онъ мнѣ что-нибудь почитать: „Донъ-Кихота“ въ передѣлкѣ для дѣтей или журналъ „Вокругъ Свѣта“—прежній, благородный. Разъ, когда онъ подавалъ мнѣ книжку,

насъ засталъ на мѣстѣ преступленія дядя: отнялъ книжку у меня и задалъ сыну головомойку.

Вечеромъ мы съ Алешей выходимъ изъ гостиницы. Волга, прибрежный песокъ, отмель... лодка. Невдалекѣ зеленѣетъ островъ, гдѣ, я знаю, есть ракушки. Видна у лодки добродушная фигура отца Моисея. За островомъ разгорается закатъ; сейчасъ мы съ Алешей сядемъ въ лодку и поѣдемъ по рѣкѣ на островъ. Грести будетъ о. Моисей, и будутъ мирные, теплые, простые разговоры. Эти поѣздки и этотъ ласковый монахъ, черненькій и тощій еврей, — самое отрадное воспоминаніе изъ первой моей поѣздки въ Бабайки.

Во второй разъ я была тамъ уже по смерти владыки, при отцѣ Іустинѣ, который смѣнилъ его, не замѣнивъ, и было непріятно видѣть, что Петръ Александровичъ смотрѣлъ на него съ тою же преданностью, съ какою прежде смотрѣлъ на своего преосвященнаго брата.

Есть нѣчто, обязывающее меня благодарностью къ Петру Александровичу. Еще въ дѣтствѣ моемъ онъ далъ намъ и посовѣтовалъ прочесть прекрасное сочиненіе о Гусѣ. Вслѣдствіе этого я съ дѣтскихъ лѣтъ привыкла почитать святую память славянскаго мученика за вѣру.

Интересно, что всѣ Брянчаниновы не любили католицизма, но такъ не любили, что ничего не признавали въ немъ достойнаго, едва ли даже считали католическую церковь дѣйствительною церковью Христовой. Одинъ дѣдъ, человѣкъ болѣе широкихъ взглядовъ, читалъ духовныя католическія книги, отчасти увлекался Ѳомой Кемпійскимъ, и это тревожило и возмущало его дѣтей, преимущественно старшихъ.

Отецъ Игнатій умеръ ранѣе своего отца. Была весна, половодье; никто изъ родныхъ не могъ ѣхать на похороны. Поѣхала одна Софья Васильевна Боборыкина, дѣвушка горячая и способная къ большой преданности. Дѣдъ не хотѣлъ ее отпустить.

— Это безуміе! Ты не поѣдешь.

— Я поѣду, grand-papa.

— Нѣтъ, ты не поѣдешь.

— Простите меня, grand-papa, я поѣду.

— Я тебя не благословляю.

— Мнѣ это очень грустно, но я чувствую, что должна ѣхать.

Желѣзной дороги отъ Вологды тогда еще не было. С. В. уѣхала съ горничной въ телѣжкѣ знакомаго комиссіонера, Петра Ледкова,—Pierre de la Glace,—какъ шутя называли его Брянчаниновы. Подъ Ярославлемъ перевоза не было; С. В. проѣхала подальше за городъ и тамъ наняла крестьянина, который за хорошую цѣну доставилъ двухъ женщинъ на другой берегъ, несмотря на опасность переѣзда. Затѣмъ онѣ попали въ Бабайки уже сравнительно легко.

Послѣ почившаго епископа не осталось наслѣдства. Въ карманѣ его подрясника нашли 14 копѣекъ. Это было все, что онъ имѣлъ, потому что лишь за два или три дня до смерти онъ далъ семьдесятъ пять рублей крестьянину, у котораго пала лошадь.

Онъ былъ монахъ...

Дѣдъ пережилъ его, потому что берегъ себя, и въ этомъ отношеніи былъ не чуждъ нѣкотораго эгоизма, впрочемъ совершенно естественнаго. Не о всемъ могъ онъ говорить съ сыновьями и дочерьми, и избѣгалъ волнующихъ разговоровъ. Волнующіе разговоры очень рѣдко приводятъ къ взаимному пониманію и успокоенію. Дѣдъ былъ уменъ и зналъ это. И потому главною темой его разговоровъ съ дѣтьми, была политика. Въ политикѣ у всѣхъ Брянчаниновыхъ былъ одинаковый взглядъ.

За то какъ онъ былъ тепло внимателенъ ко всѣмъ своимъ, особенно къ внучатамъ!

Я знала дѣда въ его глубокой старости, но старости красивой и доброй: бывшая суровость его исчезла. Въ его ясныхъ глазахъ свѣтилась та снисходительность, купленная цѣною долгаго опыта жизни, жизни мысли, которая встрѣчается лишь у хорошихъ стариковъ. О наружности своей онъ заботился. Какое благородное спокойствіе было въ его лицѣ, съ тонкими чертами, въ манерѣ — важной, привѣтливой и старомодной! Какъ хороша была его изящная голова съ густыми, серебристыми волосами, его прямой станъ и неторопливая, милая, снисходительная рѣчь! И когда рядомъ съ нимъ сидѣли его сыновья — Петръ Александровичъ, тяжелый, бритый, съ рѣзкими линіями лица, въ сѣромъ, громоздкомъ сюртукѣ, или Михаилъ Александровичъ, съ вдохновеннымъ, но разсѣяннымъ взглядомъ, лысый, съ ни-

рокою, косматою бородой, то, право, дѣдъ казался и красивѣе ихъ и чуть ли не моложе. Понятіе его несомнѣнно были шире: онъ интересовался многимъ изъ того, что они презирали въ своей правовѣрной односторонности.

Свою манеру не входитъ въ интимность дѣдъ нарушалъ для сестеръ Боборыкиныхъ, дѣвушекъ свѣтскихъ и выросшихъ безъ матери. Какъ умѣлъ онъ безъ разспросовъ угадывать ихъ затрудненія, тепло поддержать въ трудную минуту сочувственнымъ взглядомъ, мимолетнымъ, ободряющимъ словомъ или иначе: подарить двѣ великолѣпныя розы для корсажа и перекрестить дѣвушку. Я была ребенкомъ, но и мнѣ невозможно забыть, съ какою лаской онъ угощалъ мать мою и меня лучшими персиками и вишнями изъ сада, какъ часто радовалъ, посылая въ Вепрево цвѣты на Пасху или ранніе овощи изъ теплицы!

У меня есть особая причина вспоминать дѣда добромъ. Онъ одинъ изъ всѣхъ Брянчаниновыхъ любилъ моего отца, цѣня его неподкупную прямоту. Разъ, когда отецъ, побесѣдовавъ съ нимъ, уходилъ, простой и прямодушный, какъ всегда, Александръ Семеновичъ, обратясь къ присутствовавшимъ, сказалъ:

„Этотъ человѣкъ—святой, и самъ того не подозрѣваетъ".

Конечно, отецъ мой былъ бы очень сконфуженъ, еслибъ слышалъ это. Бывшій армейскій офицеръ, не любившій вина, но любившій карты и лошадей, вспыльчивый и часто неосмотрительный, онъ всего менѣе имѣлъ претензій на святость. Но именно за то, что очень мало о себѣ думалъ, его любилъ дѣдъ, и кромѣ дѣда, добрыя сестры Боборыкины. Спасибо имъ!

Въ полной памяти Александръ Семеновичъ дожилъ до 96-ти лѣтъ и умеръ безъ большихъ страданій отъ воспаленія легкаго.

После кончины отца Игнатія, неподалеку отъ Бабаекъ сгруппировался кружокъ лицъ, связанныхъ съ Петромъ Александровичемъ единомысліемъ и знакомствомъ и считавшихъ себя присными по духу почившему владыкѣ. Одна небогатая, но хорошей фамиліи, дворянка, госпожа X. была центромъ и самой вліятельной личностью среди этихъ *„святыхъ"*. Я не въ шутку употребляю это слово: они сами считали себя избраннымъ стадомъ. Петръ Александровичъ, говоря

объ одномъ изъ нихъ, употребилъ — я помню — именно это выраженіе: „Онъ тоже изъ святыхъ".

Умираетъ большой человѣкъ. По слѣдамъ его идутъ маленькіе и думаютъ, что продолжаютъ его дѣло, но дѣлаютъ то, отъ чего онъ, еслибъ былъ живъ, съ негодованіемъ бы отрекся.

Въ книгѣ свящ. Щукина „Около церкви" есть такія слова: „Души другихъ... тверды и жестки. Жизненный опытъ... отрываетъ отъ этихъ снисходительность къ ошибкамъ, прощеніе чужимъ и своимъ увлеченіямъ, улыбки невѣдѣнію. Милосердіе, всепрощеніе они и во Христѣ считаютъ ошибкой. Имъ кажется излишней ласковость къ людямъ, вредной мягкость, прощеніе недостигающимъ цѣли. Стойкіе и прямые, они стоятъ предъ людьми и предъ Богомъ, какъ обнаженные отъ ласкающей взоръ весенней зелени стоятъ осенью крѣпкіе и темные стволы деревьевъ. И молятся Богу сурово: „воскресни Боже, *суди* землю"!"

Такими были люди, о которыхъ я говорю. Но еще типичнѣе. Мрачный ликъ имѣла ихъ набожность, и жесткими, больно ранящими углами оборачивались они къ своимъ ближнимъ. Уважаемые всѣми за свою признанную набожность, они чувствовали себя носителями суровой правды, точно ветхозавѣтные пророки, но походили болѣе на средневѣковыхъ доминиканцевъ. Путь, по которому они желали вести людей, былъ во всѣхъ смыслахъ узкій. И даже болѣе всего—въ духовномъ смыслѣ. Скорѣе допустили бы они нѣкоторое послабленіе плоти — какъ и сами позволяли себѣ, напр., удовольствіе вкусной пищи—чѣмъ малѣйшую широту мысли, малѣйшее уклоненіе отъ рутины. Еслибъ можно было, они запретили бы мірянамъ читать Евангеліе. На всѣ чувства и мысли у нихъ были готовыя рамки, указанные размѣры и формы. Ничего живого, свободнаго, самостоятельнаго они не терпѣли. Не добротой и смиреніемъ дышали рѣчи ихъ: въ нихъ звучало строгое осужденіе ближнихъ. Набожность ихъ гордо высилась, какъ воплощенный укоръ всѣмъ окружающимъ; самые ихъ разсказы въ минуты хорошаго расположенія духа отзывались привычнымъ наставительнымъ тономъ, и когда они смѣялись, то другимъ не было ни смѣшно, ни весело.

Въ практическихъ дѣлахъ „святые" стояли на чисто-зем-

ной точкѣ зрѣнія. Въ ихъ отношеніяхъ къ ближнимъ чины, общественное положеніе, успѣхи въ карьерѣ имѣли большое значеніе. Не одни нравственныя паденія, но и простой неуспѣхъ ошибки въ жизни людей вызывали ихъ презрительное осужденіе. Сами же они въ житейскомъ отношеніи вовсе не были *не отъ міра сего*, напротивъ, очень *отъ міра*. Ведя переписку съ генеральшей, г-жа Х., прежде чѣмъ отправить письмо, долго держала его на столѣ, чтобъ ея гости видѣли адресъ: „Ея Превосходительству“.—„Нельзя иначе“, объясняла она своимъ внушительнымъ тономъ, „это доставляетъ уваженіе“... Компромиссъ мелочной, конечно. Но когда сидишь часы молча, слушая съ покорнымъ видомъ наставленія себѣ и безапелляціонныя осужденія другихъ, иногда тѣхъ, кого любишь и уважаешь, когда душа кипитъ подъ наружно-безстрастною маской, то всякая мелочь имѣетъ значеніе, усиливая до горечи отрицательное отношеніе къ лицамъ, отъ которыхъ слышишь одно, а видишь на дѣлѣ другое. Матери моей импонировали и братъ, и Александра Ивановна. Пока она слушала ихъ обличительныя филиппики, то поддавалась имъ и сочувствовала, но едва уходила изъ подъ ихъ гнетущаго вліянія, какъ снова дѣлалась той доброй мамой, любящей всѣхъ ближнихъ безъ разбора, какою она была въ дѣйствительности.

Все было характерно у г-жи Х.: и маленькій ея домъ въ переулкѣ, некрасивый, съ тѣсными комнатами, и садъ безъ цвѣтовъ и аллей, и злой песъ на цѣпи. Въ заднихъ комнатахъ дома иногда жили временно безпріютные, но шли къ ней лишь тѣ, кто не имѣлъ никакой возможности иначе устроиться. Она была благотворительницей, шила воздухи для церквей, помогала бѣднымъ и, я увѣрена, имѣла еще нѣкоторые тайные подвиги.

Пріѣзжая въ тотъ городъ, гдѣ жила г-жа Х., мать моя у нея останавливалась, и тогда для услугъ намъ являлась Марья Евграфовна.

Марья Евграфовна была пожилой дѣвой, какъ и г-жа Х., но столько же смиренной и кроткой, сколько та была величественна и энергична. Жила она съ старой матерью въ большой бѣдности, кормилась вязкою чулокъ; г-жа Х. выручала ее въ минуты жизни трудныя, но и пилила постоянно, и уваженіе Марьи Евграфовны къ своей благодѣтель-

ницѣ сильно походило на страхъ. Сердила г-жу X. всего болѣе недалекость бѣдной дѣвы, такъ же какъ и ея смѣшная наружность: слишкомъ высокій ростъ при необычайной худобѣ. Но бѣлое отъ малокровія лицо Марьи Евграфовны съ густыми черными бровями и грустнымъ взглядомъ не было ни смѣшно, ни непріятно. Мать моя любила это бѣдное существо за ея терпѣніе, отсутствіе наклонности къ сплетнямъ и нелицемѣрную набожность.

У г-жи X. былъ воспитанникъ, Костя Г. Мать его, вдова художника, подпала подъ вліяніе г-жи X. и, чувствуя приближеніе смерти, завѣщала ей опеку надъ маленькимъ сыномъ. Видъ сугубаго благочестія госпожи X., ея положеніе человѣка, который умнѣе, непогрѣшимѣе, почтеннѣе прочихъ, дали надежду умирающей матери, что, дитя ея останется на лучшихъ рукахъ, какихъ только можно желать. Она умерла спокойная, бѣдняжка! И ребенокъ остался сиротой на попеченіи Александры Ивановны. О, дѣйствительно сиротой!

Тѣсная каморка, душная, вся заставленная разнымъ домашнимъ хламомъ. Давно запыленныя, тусклыя стекла въ двойной рамѣ, которая никогда не выставляется. Тутъ растетъ тонкій, блѣдный, запуганный мальчикъ. Наслѣдственный талантъ его глохнетъ, теплаго слова онъ не слышитъ, одни рѣдкія приказанія и выговоры, чувствуетъ надъ собой недреманное инквизиторское око, забирающееся ему прямо въ душу,—и весь нравственно съеживается, привыкаетъ молчать и таить...

Когда я была дѣвочкой, мы изрѣдка играли съ Костей, тихо и подъ вѣчнымъ опасеніемъ не угодить, или разсматривали коллекцію художественныхъ гравюръ, оставшуюся послѣ его отца. Меня очень удивляла и его неестественная молчаливость, и то, что онъ никогда не шумитъ, не бѣгаетъ, и исчезаетъ въ одну минуту, когда г-жа X. обращаетъ на него свой выразительный взглядъ. Онъ былъ превосходно выдрессированъ; впрочемъ и собакъ своихъ Ал. Ив—на дрессировала мастерски.

Говоря о гравюрахъ Кости, я вспоминаю ничтожный случай, но очень характерный, подтверждающій въ сотый разъ ту евангельскую истину, что многое прекрасное и благородное скрыто отъ премудрыхъ и разумныхъ и открыто младенцамъ душою.

Въ одинъ вечеръ, когда я перебирала гравюры, не скрывая своего восхищенія, Костя спросилъ, которыя изъ нихъ больше мнѣ нравятся? Я простодушно назвала 5 или 6. Онъ тотчасъ же отобралъ ихъ для меня и, несмотря на мое удивленіе и отказы, настойчиво добивался, чтобъ я ихъ взяла. Между тѣмъ эти гравюры были почти единственною его драгоцѣнностью, памятью отца.

Лѣтъ 10 спустя гостила я у дяди Михаила Александровича, гостила, какъ любящая племянница и другъ. У него на стѣнѣ висѣли картины духовнаго содержанія; онѣ мнѣ не нравились, и я никогда не желала бы имѣть ихъ. Но дядя былъ о нихъ высокаго мнѣнія. Безъ всякаго съ моей стороны повода, онъ говоритъ мнѣ.

— Эти картины, ma chère, если уйду въ монастырь, я ихъ, пожалуй, тебѣ оставлю; но ужъ за это надо (съ сильнымъ удареніемъ) за это надо *мно-ого* молиться!

А Костя не требовалъ уплаты...

Годы шли, а положеніе его не улучшалось. Уже мы были подростками, насъ иногда отпускали съѣздить за покупками или на станцію за вещами; но Костя въ этихъ случаяхъ сидѣлъ какъ автоматъ, не оборачиваясь и не разговаривая; извощикъ былъ „придворнымъ" его воспитательницы и могъ все услышанное пересказать.

Кончилось однако тѣмъ, что пріѣхала замужняя сестра Кости и, употребивъ много усилій, перенеся много непріятностей, освободила брата. Преслѣдуемая чуть не анаѳемой, она все-таки увезла его въ Москву и помѣстила въ Школу живописи и ваянія, гдѣ онъ впослѣдствіи кончилъ курсъ и былъ отправленъ заграницу.

Видались мы съ нимъ въ Москвѣ уже на свободѣ, вмѣстѣ бѣгали по магазинамъ и выставкамъ и лакомились только что появившеюся тогда въ продажѣ халвою. Но дружбы откровенной не было между нами. Въ Костѣ осталось болѣзненное недовѣріе къ окружающимъ, и онъ все боялся, чтобъ я не пересказала какихъ-нибудь его словъ, если не г-жѣ Х., то Петру Александровичу; очевидно, у него еще сохранялась какая-то зависимость отъ Ярославскихъ. Жилъ онъ у профессора, знакомаго имъ, и возможно, что Петръ Александровичъ оплачивалъ частью его содержаніе; впрочемъ я не

увѣрена въ этомъ. Онъ просто боялся ихъ по привычкѣ, безъ всякихъ практическихъ мотивовъ.

Между тѣмъ въ тишинѣ Бабаевскихъ келій, невѣдомые обществу, трудились иноки, дѣйствительные послѣдователи почившаго епископа, искавшіе подвига и спасенія по его завѣтамъ. Ихъ жизнь не была обычнымъ прозаическимъ житьемъ необразованныхъ провинціальныхъ монаховъ,—то былъ путь высокій и опасный, а духовнаго руководителя у нихъ не стало. Іустинъ былъ скорѣе человѣкомъ тонкихъ соображеній, чѣмъ глубокаго монашескаго духа. И вотъ, на почвѣ строгаго воздержанія, постничества, напряженныхъ нервовъ, острой борьбы съ искушеніями, разыгралась въ Бабайкахъ исторія грустнаго заблужденія.

Іеродіаконъ Паисій, человѣкъ еще молодой, прервалъ свой молитвенный подвигъ, чтобъ объявить себя Христомъ. Началъ учить праведной жизни и вѣрѣ *въ себя.* И такъ велика была убѣжденность его проповѣди, такъ обаятельно вліяла на слушателей его аскетическая, отрѣшенная отъ всего земного личность, что много монаховъ увлеклось его рѣчами. Сначала о. Іустинъ и Петръ Александровичъ не обратили вниманія, потомъ замѣтили странный гипнозъ, распространяющійся въ монастырѣ, пришли въ смущеніе, не знали, что дѣлать, боясь огласки.

Приходитъ въ это время къ Петру Александровичу о. Моисей,—кроткій, благодушный о. Моисей,—и говоритъ съ сожалѣніемъ: „Что это, Петръ Александровичъ, въ какую прелесть впалъ Паисій - то нашъ! Хочу я сходить, попробую уговорить его, образумить; какъ думаете?"—Сходите, отецъ Моисей, сходите.

Моисей пошелъ, сидѣлъ у Паисія два часа и вышелъ изъ его кельи возбужденный, съ блестящими глазами, восклицая: „Правду онъ говоритъ, правду! Это Христосъ!"

Ересь разросталась. Уже и богомольцы начали поклоняться Паисію; изъ Ярославля потянулись къ нему дамы и простыя женщины. Тогда монастырскія власти наконецъ приняли мѣры: выпроводили Паисія изъ Бабаекъ и вздохнули спокойно. Но они рано обрадовались. Паисій и его приверженцы пошли въ Ярославль, въ Ростовъ, дальше... И ересь заражала людей, какъ эпидемія. Въ Ростовскомъ женскомъ монастырѣ

Паисія встрѣтила сама игуменья и съ нею всѣ монахини съ зажженными свѣчами въ рукахъ, и всю ночь сидѣли онѣ у ногъ своего гостя, слушая его поученія. Въ самомъ Ярославлѣ много женщинъ признало его Христомъ и Богомъ— отъ извѣстныхъ дворянокъ до бѣдной Марья Евграфовны.

Пора было положить этому конецъ. Паисія арестовали. Судили его духовнымъ судомъ изъ архіереевъ и архимандритовъ, причемъ въ большую вину поставлена была ему ночная бесѣда въ женскомъ монастырѣ. Это обвиненіе вызвало съ его стороны интересный отвѣтъ:

— „Неужели вы, отцы іерархи, будучи всѣ монахами, не понимаете, что можно провести ночь въ духовной бесѣдѣ съ сестрами, даже не подумавъ о томъ, что эти сестры— женщины?"

По рѣшенію суда, Паисія и его послѣдователей разослали по разнымъ монастырямъ подъ строгій надзоръ. О. Моисей попалъ въ Соловецкій монастырь, а самъ Паисій—въ Суздаль. Со временемъ всѣ „впавшіе въ прелесть", пришли въ себя, покаялись и мирно доживали свой вѣкъ въ тѣхъ монастыряхъ, куда были сосланы.

Пострадали, однако, не одни монахи. Женщинамъ увлеченнымъ проповѣдью Паисія, тоже пришлось пережить много тяжелаго. Обвиненіе въ ереси, хотя и не оффиціальное, лежало на нихъ, онѣ были предметомъ осужденій и насмѣшекъ. Между прочимъ, когда Паисія уводили послѣ суда, то изъ толпы одна высокая женская фигура демонстративно поклонилась ему до земли, обращая на себя общее вниманіе.

Ну, и досталось же Марьѣ Евграфовнѣ за этотъ поклонъ отъ госпожи Х.!

Тѣмъ не менѣе память о Паисіи умерла не скоро.

Большая доброта моей матери имѣла свойство у всѣхъ вызывать довѣріе къ ней и откровенность. Такъ и бѣдная Марья Евграфовна пользовалась нашими пріѣздами, чтобъ отвести душу, поговорить о Паисіи, о которомъ она до сихъ поръ осмѣливалась „свое сужденіе имѣть".

Стоитъ бывало, Марья Евграфовна съ кувшиномъ въ рукѣ, подаетъ мамѣ воду для умыванія, а сама шепчетъ, смигивая слезы:

— „Ангелъ мой, Марья Александровна, вы не можете себѣ

представить, какой это человѣкъ былъ... Какая въ немъ божественность сіяла... Истинно, ангелъ мой, божественность!.. И ежели вамъ его послушать..."

Скрипнетъ дверь—и она, быстро замолкнувъ, выпрямляется, принимаетъ обычный суетливо-тупой видъ подъ взглядомъ госпожи X., устремленнымъ на ея нелѣпую фигуру, какъ ударъ бича. Уйдетъ благодѣтельница, и она опять зашепчетъ:

— „Пускай его осудили, ангелъ мой, такихъ людей больше нѣтъ и не будетъ... Хоть и бранятъ меня—пускай. Ужъ я тѣмъ счастлива, что хоть послушала его рѣчей благодатныхъ!.."

А. Купреянова.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

СОДЕРЖАНІЕ.

Редакторъ *Священникъ Павелъ Флоренскій*.

Изъ семейныхъ воспоминаній.

III.

(Окончаніе) [1]).

Хочу оговориться: я не пишу здѣсь ни о карьерѣ Брянчаниновыхъ, ни о событіяхъ ихъ жизни, *внѣшнихъ*; все это, безъ сомнѣнія, имѣетъ большой интересъ, но не для меня. Меня всегда занималъ одинъ лишь выходящій изъ ряда, нравственный обликъ ихъ. Притомъ пишу исключительно о людяхъ, выросшихъ подъ кровлею покровскаго дома, а не о дѣтяхъ ихъ, и тѣмъ болѣе, не о другой отрасли Брянчаниновыхъ изъ усадьбы Юрова, какъ носящей совершенно различный характеръ. Затѣмъ—

Все, что я говорю здѣсь о Брянчаниновыхъ вообще, не можетъ касаться владыки Игнатія. Какъ человѣкъ исключительнаго ума и характера, онъ всегда стоялъ нѣсколько одиноко и путь его отъ самаго дѣтства былъ иной, чѣмъ путь его братьевъ и сестеръ. Это высказано и въ жизне-описаніи его, составленномъ Петромъ Александровичемъ.

Былъ у дѣда моего сынъ, Семенъ Александровичъ, непохожій на прочихъ,—добрый и веселый джентльменъ „дядя Сеня",—какимъ онъ остался въ моихъ воспоминаніяхъ. Онъ любилъ мою мать братски, и какъ равный, не читалъ ей наставленій и нимало не чувствовалъ себя святымъ или „познавшимъ"—напротивъ. Думаю, что „сестрѣ Машинькѣ" онъ каялся иногда въ своихъ веселыхъ грѣшкахъ, зная, что „Мари,—она не осудитъ". Умеръ онъ еще молодымъ, сравнительно, человѣкомъ, и я помню отчаянныя рыданія

[1]) См. „Б. В.", Мая.

моей матери, разбудившія меня въ то утро, когда она получила извѣстіе о его тяжкой болѣзни и зовъ поспѣшить къ умирающему.

Этотъ дядя не только не наводилъ на меня хмураго взгляда, но улыбался мнѣ и баловалъ: бралъ меня на руки, садилъ верхомъ на шведку и угощалъ въ своемъ охотничьемъ домѣ вкусной заячьей кашей. Двое другихъ дядей не имѣли привычки мнѣ улыбаться.

Въ свои рѣдкіе пріѣзды Михаилъ Александровичъ обращался со мной неровно. То разговаривалъ серьезно, какъ съ большой, то, смотря на меня пристально, начиналъ выражать вслухъ свои догадки о такихъ-то и такихъ моихъ недостаткахъ, совѣтовалъ матери меня сѣчь, и было непонятно, шутя ли онъ это говоритъ или не въ шутку. Во всякомъ случаѣ дни его посѣщеній не были для меня исключительно радостными днями.

Петръ Александровичъ почти совсѣмъ не говорилъ со мною, а когда говорилъ, то снисходительно, иногда ласково, но строгій взглядъ его изъ подъ нависшихъ бровей приводилъ меня въ тайный трепетъ. Онъ совѣтовалъ матери не позволять мнѣ чтенія свѣтскихъ книгъ и, какъ только подрасту, отдать въ монастырь. Мать слушала его покорно. Она, кажется, и сама его побаивалась; къ пріѣзду его она подтягивалась и убирала прочь съ глазъ всѣ вещи, которыя могли бы дать ему понятіе о простодушномъ и—по его взгляду—легкомысленномъ, жизнерадостномъ настроеніи, царившемъ обычно у насъ въ домѣ.

Петръ и Михаилъ Александровичи во многомъ разнились другъ отъ друга по натурѣ, но оба были деспотами; ихъ увѣренность въ правотѣ своихъ взглядовъ и своей оцѣнки людей, а также свойство держаться предвзятыхъ мнѣній—были безграничны. Черты гордости, пылкости и властолюбія, на ряду съ способностью къ религіозному самоуглубленію, были общи всѣмъ Брянчаниновымъ описываемаго мною поколѣнія.

Слыхала я о такомъ случаѣ.

Петръ Александровичъ, недавно женатый, занималъ мѣсто вице-губернатора. Жена его было хорошенькимъ, веселымъ созданіемъ, но слишкомъ суетнымъ по его мнѣнію. Былъ

назначенъ балъ въ дворянскомъ собраніи. Всѣ приготовлялись къ этому дню. Супруга вице-губернатора—тоже.

Разъ вечеромъ мужъ и жена ходили подъ руку по комнатамъ; въ дѣвичьей крѣпостныя мастерицы вышивали барынѣ шелками бальное платье. Молодая вице-губернаторша подвела мужа къ пяльцамъ.

— Посмотри, Пьеръ, какая это будетъ прелесть!

Пьеръ наклонившись посмотрѣлъ черезъ очки, проткнулъ пальцемъ воздушную ткань и провелъ вдоль пялецъ по всему вышитому полотнищу. Провелъ—и засмѣялся самодовольно: вотъ какъ отучаютъ отъ суетности!

Впрочемъ жена его, родивъ сына Алешу, скоро навсегда излечилась отъ своей суетности—въ могилѣ.

Разскажу кстати. Гораздо позже Михаилъ Александровичъ, въ мое отсутствіе,—сжегъ въ печкѣ принадлежавшую мнѣ большую гравюру Зичи „Тамара и демонъ“, которую я привезла изъ Петербурга, и которая ему, разумѣется, показалась безнравственной.

Я поражаюсь, думая о томъ, какая огромная внутренняя работа должна была совершиться въ этихъ людяхъ, чтобъ ихъ характеръ, согнувшись, подклонился подъ иго монашества, а монашество ихъ было не наружное только, въ особенности у Михаила Александровича. Не безъ долгой борьбы, не безъ возврата къ прошлому отказался онъ отъ своего не въ мѣру развитого „я“. Повторяю: во всѣхъ Брянчаниновыхъ жила громадная врожденная сила гордости, страстности и самовластія, но вмѣстѣ такая же сила несомнѣнной вѣры и преданности Богу и Церкви. Всю жизнь боролись въ нихъ эти двѣ силы, и подъ конецъ всегда послѣдняя побѣждала. Михаилъ Александровичъ умеръ въ Оптинѣ смиреннымъ и молчаливымъ монахомъ. Петръ Александровичъ—по слухамъ, такимъ же—умеръ въ Бабайкахъ.

И нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Брянчаниновы, болѣе чѣмъ кто другой, поддавались искушенію гордости: слишкомъ яркою представлялась ихъ уму разница между ихъ одухотвореннымъ сознаніемъ и нравственнымъ безразличіемъ знакомой имъ свѣтской толпы. Помню, дядя Михаилъ сказалъ однажды—порывисто и широко раскрывъ руки— „бываютъ такія минуты на молитвѣ, когда чувствуешь: *врагосъ нѣтъ!*“ Мнѣ было странно это слышать, потому что у

меня въ это время дѣйствительно не было враговъ; одни друзья. Позже жизнь заставила меня понять и оцѣнить слова дяди.

Кто имѣлъ причины жаловаться на Брянчаниновыхъ, тѣ говорили: „они считаютъ себя не такими, „якоже прочіи человѣцы“, за то и падаютъ не якоже прочіи“. Самъ дядя Михаилъ говаривалъ: „мы глубоко падаемъ, но и поднимаемся высоко!“ Разумѣется, отъ людей такого душевнаго склада напрасно было бы ждать спокойствія и уравновѣшенности. Они, конечно, знали, что такое зло... Но горячимъ сердцемъ рвались эти люди къ Богу, рвались неустанно, и въ сѣтяхъ страстей, и въ безуміи гордости, и оскорбляя, убивая душу ближнихъ, и страдая сами подъ ударами обидъ и обмановъ—всегда рвались къ Нему, и Онъ далъ имъ высокое счастье умереть просвѣтленными...

Съ тѣхъ поръ, какъ я, ребенкомъ, гостила въ Бабайкахъ, прошли годы. А подросла, монахиней не сдѣлалась, но какъ-то, неожиданно для себя, сошлась близко и дружески съ дядей Михаиломъ. Его богатая психика, его ораторскій талантъ покорили меня. Ему же многое во мнѣ не нравилось, всего болѣе—моя страсть къ чтенію, но многое было и по душѣ. „Думъ свобода“ интересовала его, и узнавалъ онъ родныя Брянчаниновскія черты въ томъ, напр., что послѣ Бѣлинскаго и Добролюбова я съ неменьшимъ увлеченіемъ бралась за Цвѣтную и Постную Тріодь. Другая племянница, С. Ѳ. Бобарыкина, дѣвушка свѣтская, по возвращеніи раннимъ утромъ съ бала, не рѣдко перемѣнивъ лишь платье, шла къ заутренѣ...

Она умерла уже, какъ умеръ Алеша, какъ умерла моя мать—въ надеждѣ жизни вѣчной. Старые православные уходятъ одинъ за другимъ. Идутъ новые—съ болѣе развитымъ сознаніемъ, но съ тѣмъ же Свѣтлымъ Христовымъ ликомъ въ сердцѣ—и да будетъ благословенъ ихъ приходъ!

Долгіе и горячіе разговоры вели мы съ дядей Михаиломъ, гуляя или катаясь по Вепревскимъ полямъ и рощамъ. Въ это время онъ уже часто бывалъ у насъ, и бывалъ дорогимъ для меня гостемъ. У него была поразительная находчивость и ѣдкое остроуміе. По широтѣ своей натуры ни въ какихъ общепринятыхъ рамкахъ онъ не умѣщался, говорилъ прямо

о томъ, что есть въ человѣкѣ самаго задушевнаго, условность ненавидѣлъ, и всякая неправда возмущала его чуть не до припадка. Онъ былъ ораторъ „Божьею милостью", ораторъ пламенный, сердце таяло и на глаза просились слезы у слушавшихъ его. Съ нимъ можно было не во всемъ соглашаться, но все, что онъ говорилъ, было интересно и будило мысль. Говорилъ онъ вездѣ: и въ вагонѣ желѣзной дороги (всегда 3-го класса; понятно: у простыхъ людей его рѣчи находили самый живой откликъ), и на пароходѣ, и въ гостиныхъ. Впрочемъ, я помню, что у дѣдушки онъ по большей части молчалъ, слушая корректные разговоры, лишь нервно разчесывалъ пальцами свою широкую бороду и по разсѣянному взгляду его разбѣгающихся глазъ я видѣла, что у него кипитъ душа и рвется на языкъ многое, но онъ сдерживаетъ себя усиліемъ воли.

Много добрыхъ чувствъ сѣялъ онъ въ людскія души. И обличалъ много, но его обличенія были такъ искусно завернуты въ аллегоріи, что обличаемые не всегда ихъ понимали. Вообще онъ любилъ выражаться неясно, въ надеждѣ, что собесѣдники поймутъ его съ намека, съ отдаленнаго уподобленія. Мать часто не понимала, да и я иногда съ трудомъ. Живыя, оригинальныя мысли такъ кипѣли, такъ быстро смѣнялись въ его умной головѣ, что съ трудомъ успѣваешь, бывало, слѣдить за этимъ блестящимъ фейерверкомъ сравненій, шутокъ, глубокихъ и тонкихъ наблюденій, онъ бросалъ ихъ недоговоренными, ему некогда было отдѣлывать эти перлы. Жизнь его, жизнь барина старыхъ временъ, не была заключена въ узкій кругъ заботъ о насущномъ хлѣбѣ („радъ бы сдѣлать путешествіе, да не на что"...) и дала ему богатый матеріалъ для всякаго рода переживаній и наблюденій. Онъ умѣлъ угадывать многое. Такъ, однажды сидѣла у насъ пожилая, богомольная дѣвица изъ духовнаго званія и напряженно слушала его быструю рѣчь. И вотъ, сказавъ: „ma chère, человѣкъ имѣетъ необыкновенную страсть выставлять себя лучше, чѣмъ онъ есть", онъ неожиданно оборачивается къ этой почтительной слушательницѣ и говоритъ: „вотъ она—заботится о спасеніи души и часто говѣетъ, а—я увѣренъ—говѣть ходитъ въ монастырь, не понесетъ грѣховъ своему приходскому батюшкѣ, правда?" Бѣдная старая дѣва вспыхнула. Позже я узнала, что дядя угадалъ: у ней

была маленькая тайная слабость, въ которой она не рѣшалась признаться знакомому священнику.

Одно время сестры его все возились съ нѣкіимъ благочестивымъ консисторскимъ чиновникомъ; дядя Михаилъ, какъ почти всегда, отнесся къ ихъ увлеченію отрицательно.—Что, ma chère, говорилъ онъ мнѣ, человѣкъ въ самообольщеніи! Прочелъ нѣсколько духовныхъ книгъ и воображаетъ, что онъ въ состояніи... чудеса творить.

Вотъ однажды, пріѣхалъ онъ къ намъ, когда этотъ чиновникъ гостилъ у матери, и завелъ музыку: рѣчь о мнимобогоугодныхъ людяхъ. Указываетъ все на себя, говоритъ: когда мнѣ случалось—разъ или два въ годъ—уронить слезу на молитвѣ, то я уже думалъ—онъ обвелъ насъ смѣющимся взглядомъ—думалъ заказывать урну, чтобъ собирать мои слезы...

Вышло это у него очень забавно, и больше всѣхъ хохоталъ самъ консисторскій праведникъ.

Впрочемъ, зная за собой эту способность выставлять другихъ въ смѣшномъ видѣ, дядя остерегался, и меня часто предостерегалъ отъ насмѣшекъ и презрительнаго отношенія къ людямъ. Но страсть къ осужденію, и жесткому осужденію, въ немъ все-таки сказывалась. У него былъ невыносимый обычай находить во всемъ и всѣхъ какую-нибудь дурную сторону и отравлять этимъ каждое удовольствіе и каждую дружбу. Начнетъ резонировать—и выйдетъ, что такъ или иначе плохо все, что мнѣ нравится. Рудинъ особаго рода. И верховая ѣзда моя вызывала въ немъ какія-то странныя опасенія, и окружавшая меня деревенская молодежь казалась опасной, и картины, и стихи, и романы—все. Воображаю, какъ онъ замучилъ бы своихъ дѣтей, еслибъ они у него были. Я часто спорила съ нимъ и сердилась, бывали временныя размолвки, но въ этихъ случаяхъ дядя всегда первый шелъ на миръ, потому что любилъ меня и боялся потерять.

Но и я любила и уважала его и въ особенности за то, что для него, какъ и для матери моей, чины, общественное положеніе и богатство людей не имѣли почти никакого значенія. Онъ искалъ внутренняго содержанія.

Я должна сказать, что и дядя Михаилъ, и дядя Петръ

много теряли вслѣдствіе односторонности ихъ направленія. Закончивъ образованіе, они почти ничего уже свѣтскаго не читали. Литература, даже русская, была не для нихъ. Читали одно духовное, патристику и историческія книги. Если-бъ они прочли и прочувствовали хотя бы Диккенса, то право, кажется, сдѣлались бы мягче. Или еслибъ познакомились съ славянофилами, то могли бы дать болѣе вѣрную оцѣнку себѣ. Но они прямо *не хотѣли* знать ничего, кромѣ духовнаго. Разъ дядя сказалъ мнѣ: „то, что ты знаешь въ семнадцать лѣтъ, я узналъ въ пятьдесятъ тяжелымъ опытомъ.

— A qui la faute? подумала я, но говорить было поздно и безполезно.

Будучи молодыми офицерами, Брянчаниновы, по праву родства, ѣзжали въ дома Олениныхъ и Анненковыхъ. Встрѣчали тамъ людей, бывшихъ гордостью Россіи,—и что-жъ? Это не оставило въ нихъ ни малѣйшаго слѣда.

— Крыловъ, me chère, такой неопрятный былъ старикъ, отвѣчалъ дядя на мои вопросы о писателяхъ. Ѣстъ, и крошитъ себѣ на жилетъ. А Лермонтовъ—молодой человѣкъ, довольно пустой... Часто сидѣлъ на гауптвахтѣ...

И только.

Дядю Михаила баловали женщины. На обѣдахъ и вечерахъ у Олениной его наперерывъ звали и усаживали подлѣ себя „юныя жены, увѣнчанныя цвѣтами", чтобъ слушать его остроумныя замѣчанія и характеристики. Подзадоривали его, заставляли угадывать характеръ тѣхъ или другихъ присутствующихъ и проч. Это, конечно, льстило его самолюбію. И, забавляя дамъ, онъ проглядѣлъ великихъ людей, въ обществѣ которыхъ находился.

Однажды я прочла дядѣ стихи Лермонтова „Когда одни воспоминанья". Онъ задумался. Сказалъ: „какъ однакожъ эти свѣтскіе писатели глубоко вникаютъ иногда"!.. Въ другой разъ онъ самъ нашелъ въ французскомъ журналѣ и прочелъ намъ стихотвореніе, понравившееся ему.

J'irai, j'irai porter ma couronne effeillée.
Au jardin de mon Père, où renait toute fleur,
Mon âme y répandra sa vie agenouillée.
Mon Père a des secrets, pour vaincre la douleur.
Il dirae: c'est donc vous, pauvre âme desolée?.. и т. д.

Не помню, по какому случаю дядѣ пришлось съѣздить заграницу. Очень характерно, что онъ ничего тамъ не на-

шелъ для себя интереснаго, и всегда горѣвшій энтузіазмомъ, остался совершенно равнодушенъ къ заграничнымъ впечатлѣніямъ.—„Тамъ одна матерія, говорилъ онъ. Звучитъ въ ушахъ, глаза ослѣпляетъ, а не отдается въ сердцѣ“.

Человѣкъ, глубоко любившій родину, онъ переживалъ душой всѣ радости и невзгоды первой славянской войны.—Англія злитъ, Австрія бѣситъ, писалъ онъ мнѣ въ это время. Съ жадностью читаю телеграммы и съ горечью бросаю газету, когда читаю дѣйствія пресловутыхъ лордовъ и поганой Австріи“.—А позже: „вотъ тактика и сила оружія свое дѣло сдѣлали, на сколько допустили завидливые глаза выполнить, начинается арена дипломатіи, которая до того мнѣ не по вкусу, что думаю не читать болѣе газетъ“...

Мало этого; настолько широка была его натура, что—помню я—онъ прямо радовался, восхищался твердостью французскихъ депутатовъ, отстаивавшихъ юную республику отъ покушенія разныхъ авантюристовъ на диктаторство. Не замѣчательно ли это для человѣка, всосавшаго съ молокомъ матери монархическіе взгляды? Будучи офицеромъ, онъ участвовалъ въ усмиреніи Польши и однако ни малѣйшаго непріязненнаго чувства къ полякамъ у него не осталось.

Въ своей превосходной усадьбѣ онъ жилъ по-барски, не считая, и потому обстоятельства его, послѣ смерти жены, стали плохи. Нѣкоторое время служилъ онъ мировымъ посредникомъ, однако и на этомъ мѣстѣ не дала ему удержаться запальчивость его характера и привычка учить другихъ. Мошенникамъ изъ сослуживцевъ онъ въ глаза высказывалъ горькія истины, мошенники изъ крестьянъ испытывали на себѣ тяжесть его руки. Въ обществѣ считали его немного помѣшаннымъ. Вѣрнѣе была оцѣнка, данная ему однимъ изъ племянниковъ: „Это донъ-Кихотъ чести“... Кончилось тѣмъ, что онъ продалъ за безцѣнокъ усадьбу и переѣхалъ—одинокій—въ городъ.

Увлеченія его личныя длились до старости, и какъ это ни странно, предметомъ ихъ долго была пошлаватая особа, тянувшая изъ него деньги; послѣдней же его привязанностью явилась авантажная вдова изъ образованныхъ и спесивыхъ купчихъ Боборыкинскаго типа. Онъ добровольно отдалъ себя ей въ рабство, не получая взамѣнъ ничего, кромѣ нѣкотораго флирта... въ его духѣ. Поклонится ему въ ноги,

крѣпко, по-русски, поцѣлуетъ, назоветъ его благодѣтелемъ и роднымъ, обмолвится даже на „ты"... а потомъ и командуетъ. Еще бы при ея крупныхъ дѣлахъ не дорожить такимъ честнѣйшимъ и усерднымъ homme d'affaire!.. Изъ этого плѣна страстей онъ освободился окончательно лишь въ Оптиной.

Многіе изъ молодежи любили дядю Михаила преданно, очаровывались имъ, какъ и я. Но... не надолго. Отчего же у нихъ всегда являлось разочарованіе? Я понимаю это, потому что тоже случилось и со мной.

Виной—Брянчаниновское наслѣдство не полной искренности. Онъ казался и терпимѣе и искреннѣе, чѣмъ былъ. Кто многое обѣщаетъ, съ того много и спрашивается. А когда молодое сердце, обращаясь къ нему, какъ къ арбитру въ дѣлахъ совѣсти и свѣтильнику, какимъ онъ и могъ дѣйствительно быть, начинало замѣчать въ немъ малѣйшую тѣнь хитрости, или мелочности, или самолюбованія, а тѣмъ болѣе—несогласіе слова съ дѣломъ,—то прежняя готовность преклониться быстро смѣнялась горечью и обидой разочарованія. Такъ отошли отъ него на моихъ глазахъ одинъ студентъ, военный юристъ, одинъ хорошій молодой священникъ... отошла и я. Теперь жалѣю объ этомъ. Но молодость прямолинейна и не мирится съ диссонансами. Богатая, мало дорожитъ любовью и лаской, она окружена ими. Лишь впослѣдствіи опытъ жизни научаетъ цѣнить каждое доброе слово и не требовать отъ людей совершенства.

И такъ отношеніе между нами начали измѣняться. Но въ это самое время судьба насъ развела нежданнымъ ударомъ—и развела надолго.

Лѣтъ черезъ семь я увидѣла его уже тихимъ, слегка сгорбленнымъ монахомъ, съ осторожною рѣчью и медленными движеніями. Онъ видимо управлялъ собой каждую минуту. Навѣстивъ меня въ Петербургѣ въ студенческой обстановкѣ (я тогда училась на курсахъ), онъ посидѣлъ недолго, поговорилъ, не отдаваясь душой, какъ прежде, но тепло и по родственному; упомянулъ мелькомъ, что ему тяжело видѣть недостатокъ образованности, даже духовной, въ начальствующихъ монастыря, что его эксплуатируютъ; пользуясь его—какъ онъ выразился—„пригодностью въ разныхъ дѣлахъ", которыя ему уже не подъ силу, и что онъ

жаждетъ уединенія... Года черезъ два послѣ этого услышала я отъ одной изъ Бобарыкиныхъ, что дядя былъ у нихъ, всѣмъ довольный, благодушный, но слабый здоровьемъ, и что Петръ Александровичъ говоритъ о немъ: „братъ Михаилъ перепахалъ свою душевную ниву". Невольно вырвалось: „надѣюсь, что и самъ дядя Петръ перепахалъ свою?"

Вскорѣ послѣ этого пришла вѣсть о смерти инока Михаила. Упокой Господи его родную душу!

А. Купреянова.